

Власов В. Ф.

Чудо света

В поисках 4-го измерения

16+

Владимир Власов

Чудо света

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Чудо света / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Чудо света состоит в том, что природа создала женщину, ставшую второй нашей половиной и смыслом нашей жизни. Мир вращается вокруг неё и обновляется через неё. Но ценим ли мы женщину? Герой, отправляясь в путешествие на Кавказ, находит свою половину, но проходит через многие испытания, чтобы с ней соединиться и понять все слабые и сильные стороны этих двух половин. Через любовь к женщине он постигает суть истинного счастья.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Глава 1. (Глава общая)	7
Глава 2. (Глава общая)	14
Глава 3. (Глава только для женщин)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Предисловие

"Gli miracoli non esistono nel mondo".

Gaia Scienza

"Чудес на свете не бывает".

Гая Шьенца

"Чудно, что до сих пор женщина ещё может любить мужчину. Мужчины, бойтесь потерять любовь женщины! Пока она вас любит, она остается вашей рабыней".

Принц Фогельфрай

Прежде чем рассказать свою историю о том, как я попал в то странное состояние, в котором пребывал более полугодя, и почему во вхождении и выходе из него сыграли большую роль три разные женщины, с которыми я испытал нечто прекрасное и возвышенное, мне, вероятно, придется сделать одну оговорку. Не знаю, можно ли это назвать любовью. Ведь любовь нельзя разделить на троих. Я думаю, что существует одна Великая Любовь, к которой мы готовим себя всю свою жизнь. Однако то прошлое моё состояние и мои переживания, кажется, позволили мне заглянуть не только в душу женщины, но и открыть то место, которые мы, мужчины, по праву в ней занимаем. Возможно, не всем мужчинам будут приятны мои выводы и рассуждения. Но всё же когда-то нам, мужчинам, нужно посмотреть правде в глаза.

И всё же, боясь оскорбить некоторые чувства мужчин, а также затронуть болезненные точки самолюбия женщин, я решил при окончательной доработке книги несколько обособиться и абстрагироваться, как бы превратившись в этакое бесполое тело, некий математический символ среднего рода, и ещё раз взглянуть на все нижеизложенные мной вещи беспристрастным взглядом, с тем, чтобы, не дай Бог, не поссорить мужчин и женщин. И когда я это сделал, то ужаснулся. Я подумал: "Нет, так нельзя оставлять эту книгу, лучше её сжечь." Я, вероятно, так бы и поступил, но тут вмешалась моя подруга жизни и посоветовала мне разбить всю мою книгу на общие главы, главы только для женщин и главы только для мужчин, что я и сделал. Засим, прошу меня строго не судить. И если вы найдете эту книгу несносной и оскорбительной, то у меня есть ещё возможность скупить все экземпляры и бросить в огонь.

А все начиналось так.

Часть первая

"Пристальнее посмотрите вокруг себя, и вы увидите мир, населенный невидимыми феями. Как жаль, что последнее время мужчины перестали обращать на них внимание".

Принц Фогельфрай

Если мы хотим найти пример подобной гипотезы в XX-ом столетии, то мы можем обратиться к гипотезе, согласно которой цветы растут незаметно потому, что в ночное время их росту помогают феи.

Это положение поддерживается сэром Артуром Конан Дойлом, который в последние годы жизни стал спиритом. В своей книге "Появление фей" ("The coming of Fairies. Toronto, 1922) он приводит, так называемые, фотографии фей, занимающихся своим делом. Я, разумеется, восхищаюсь рассказами сэра Артура о Шерлоке Холмсе, но полагаю, что его рассказ о феях принадлежит целиком царству воображения".

"Иллюзия бессмертия" Корлисс Ламонт

Глава 1. (Глава общая)

Однажды мне в руки попала эта занимательная книга "Появление фей" Конан Дойла. Признаюсь, прочитал я ее с большим интересом. После прочтения я задумался над ролью этих невидимых волшебниц на земле, вспомнив об их неоценимой заслуге по претворению нашей мечты и благоволения к бедным и сирым созданиям, таким, как Золушка, которым они помогают расти по ночам, подобно цветам. Я пролистал все книги со сказками, где упоминались эти таинственные существа, обитающие в воздухе, под землей или на дне тихих озер, способные творить чудеса, делать людям добро и зло, и чем больше я читал о них, тем сильнее убеждался, что нет дыма без огня.

Но странное дело, как историк по образованию, я после этого, штудировав документы прошлых эпох, а также мемуары военачальников и записки очевидцев, обнаружил загадочную связь между некоторыми явлениями, отмеченными на войнах, и странным поведением раненых на поле боя, к которым, по словам очевидцев, всегда подходили две феи.

Одна из них, осмотрев раны умирающего, зажимала ему рот и нос, похищая его дыхание. Другая же, наоборот, всеми силами старалась удержать его на краю пропасти, не давая ему впасть в спокойно отрешенное состояние, забавляла его шутками, рассказывала анекдоты, заставляя смеяться, и этим спасала от смерти. Солдаты за веселый нрав дали этой фее имя *Gaya Scienza* (Весёлая Наука), другую же фею прозвали *Morgana Le Fei* (Фея Смерти), или, другими словами, Фата Моргана. Как ни странно, обе эти феи-дамы имели какое-то отношение к одному загадочному кавалеру, неожиданно появляющемуся на поле битвы.

При этом его появление одну сторону приводило в восторг, а другую повергало в смещение и даже в ужас, заставляя бежать с поля сражения.

Правда, бывали и такие случаи в практике войн, когда противостоящие армии долгое время не могли разобраться, на чьей стороне стоит этот загадочный кавалер.

Меня так захватили подобные сообщения, что я, отбросив все свои дела, с головой погрузился в просмотр пыльных военных архивов, выискивая свидетельства, подтверждающие эти фантастические, как мне казалось вначале, вымыслы.

Впервые такое свидетельство я получил, разбирая материалы италио-эфиопской войны 1935-1936 годов и откопав одно донесение, отосланное Муссолини и тогда строго засекреченное. В нём говорилось, что в то время, как абиссинский император Хайле Селасие, предчувствуя свое поражение, бросил в отчаянную атаку последние остатки своей регулярной армии на итальянские дивизии, намного превосходившие его в технике и вооружении, близ озера Ашанги произошло странное явление.

Со стороны итальянских позиций было видно, как далеко за озером и за орущей и пляшущей по камням босоногой армией чернокожих эфиопов вдруг возник мираж большого таинственного города, совсем не похожего на Аддис-Абебу. По словам очевидцев-чернорубашечников дивизий "Sila" и "Gran sasso" ("Большой камень"), этот мираж завораживал солдат и порождал в их душах безотчетный страх. Многие итальянцы вдруг начали молиться, повторяя имя девы Марии. Кое-кто из них, указывая пальцем в сторону озера, в ужасе восклицая: "Это же Фата Моргана", – бросал винтовку и покидал позицию. Беспричинный страх, охвативший ряды итальянской армии, можно было объяснить еще тем, что неожиданно перед босыми пляшущими воинами возник смерч, который двигался вместе с чернокожей армией. Этот смерч походил на танцующего бога войны. Он наводил ужас даже на выдавших виды, стойких и отважных фашистов, занимавших высокие посты на иерархической лестнице. Позднее, в официальном донесении дуче, генерал Грациани никак не отразил это явление, тем более, что атака разбилась о мощь боевой техники непобедимой армии потомков римлян. Дальнобойная артиллерия в упор расстреляла наступающие подразделения эфиопов, авиация обрушила на

них бомбы и отравляющие вещества. Эфиопы, потеряв свыше восьми тысяч убитыми, были полностью разгромлены, и путь на Аддис-Абебу был открыт.

Однако после этого сражения еще долго в экспедиционном корпусе ходили слухи о случившемся на поле боя. Многие участники похода твердили о дурной примете и о несчастье, которое может постигнуть итальянскую армию.

Несколькими годами позже ветераны эфиопской войны опять увидели это явление, повторившееся уже в Северной Африке. На этот раз малочисленный немецкий корпус с остатками разгромленной итальянской армии, избрав тактику безрезервных боёв, (как говорил фельдмаршал Роммель: "Das Werk auf eine Katastrophe hinbauen"), отчаянно ввязался в битву, "построенную в расчете на катастрофу", с превосходящими силами англичан, подошедшими из Египта. И опять на поле боя итальянцы увидели за позициями англичан мираж большого таинственного города. Но это не были ни Каир, ни Александрия. Это опять была Фата Моргана. И сразу же перед наступающими германскими частями возник смерч, который двигался вместе с ними за бегущими англичанами.

– Chi va la? Chi va la? Кто это там? – кричали танцующие итальянские солдаты, увлекаемые наступлением, показывая немцам, сидящим на танках, в сторону этого загадочного явления.

Те же, упоённые успехом, блаженно жмурились, взирая на смерч, и радостно шутили:

– Das ist unser Furst von Vogelfrei! Это наш принц Фогельфрай.

– Il principe Messo Fuori Legge? – восклицали удивленно итальянцы, ничего не понимая.

– Ja, ja, – смеялись немцы, – это наш танцующий бог, который ведет нас к победе. О котором еще говорил Заратустра. Бог легкий, машущий крыльями, готовый лететь, манящий всех птиц, проворный, любящий прыжки и вперёд, и в сторону – через города и страны. Он то здесь, то там, в динамическом фокусе все европейского присутствия, заманивая противника, скажем, в местечко Верхний Эндагин и, спустя мгновение, нанося удар из, скажем, Генуи, а главное, он никогда не задерживается на месте, гонит себя со всякого рода насиженности, чтобы сохранять форму и защищаться от головной боли

– Но почему всегда он появляется с нашей феей Фата Морганой, этой жестокой волшебницей, живущей на дне озера, которая часто в Мессинском проливе между Калабрией и Сицилией увлекает за собой на дно бедных рыбаков? – вопрошали итальянцы.

– Да потому, наверное, чтобы покрасоваться перед ней, подразнить ее, – усмехались немецкие танкисты, – ведь на то он и такой бог веселый и танцующий, презирающий любые опасности. Его бесшабашный характер подобен наполеоновскому озорству: "On s'engage, et puis on voit" (Сначала ввязываешься, а там видно будет), ведь его основное правило: "Ни одна вещь не удастся, если в ней не принимает участие задор". А здесь, где "quarante siecles vous regardent du haut de ces pyramides" (сорок веков взирают на вас с высоты пирамид), он в восторге танцует перед несметными полчищами англичан.

Так было записано в мемуарах одного очевидца.

Наткнувшись на этот документ, я тут же приступил к основательной исследовательской работе, страстно желая отыскать следы принца Фогельфрая на полях сражений в разные времена. В XX-ом веке я больше не встречал подобных свидетельств, но это еще ничего не означало, потому что, должен признаться, в наше-то время ни у кого, ни до чего не доходят руки, а не потому, что все стали невнимательными. Кто-то, возможно, и видел его, но поленился записать, кого-то убило, а кому-то было наплевать, кто там танцует на поле перед врагами, тем более, если через пару минут они могут намотать на штык его кишки.

Однако уже в девятнадцатом веке я наткнулся на записи французского лейтенанта армии Бонапарта, в которых он описывал шевалье, танцующего перед кирасирами, которые преследовали армию Барклая де Толли, русского генерала, предпочитавшего тактику "reculer pour mieux sauter" (отступления для лучшего прыжка). Далее в английской хронике я обнаружил

меморандум, свидетельствующий о якобы странном танцующем джентльмене, появившемся перед кромвельскими *ironsides*, которые, распевая псалмы под свирепыми атаками кавалеров, показывали свое фатальное превосходство.

Чем дальше я исследовал эту проблему, тем больше у меня копилось материала об этом танцующем воине, повергавшем всех в изумление. Одни утверждали, что это закалённый бедами и победами дух, для которого покорение, авантюра, опасность и даже боль стали потребностью. Другие убеждали, что это невидимый гений, появляющийся там, где изможденный страдалец берет жизнь под свою протекцию. Третьи доказывали, что это вечный скиталец из тех, ушедших в мир иной на поле битвы, скиталец, который не до конца насытился своим озорством духа. И все они, наверное, по-своему были правы.

Мне также захотелось узнать, в самом ли деле он вечный скиталец, как утверждали некоторые историки прошлого, и я все глубже и глубже погружался в свои исследования. Театр его военных действий охватывал уже тысячелетия. Я встречал его в анналах истории Древнего Рима и Древней Греции. Он выступал впереди римских легионов Юлия Цезаря во время походов в Галлию. Его следы замечали бойцы фаланг Александра Македонского, громившие персов в Центральной Азии. Даже евреи, отвоевывая страну обетованную, видели его и дали ему свое имя. И как я был поражен, обнаружив его присутствие на поле битвы, описанной в "Махабхарате". И вот тогда я понял, что родился он тогда, когда мужчина взял в руки оружие, когда он стал вольным и свободным, когда рухнул матриархат, и женщина стала зависимой от мужчины.

Сделав такое открытие, я подумал: "Так вот какая штучка этот самый принц Фогельфрай, которого с таким пафосом воспевал Ницше". И мне сразу же стали понятны некоторые действия фей, описанные в сказках.

Я, наконец-то, догадался, почему все феи помогают женщинам, и некоторые из них творят зло только мужчинам. Постигнув это, я сделал еще одно открытие. Передо мной вдруг прояснился смысл слов учителя о том, что в зрелом возрасте и при созревшем разуме человеком овладевает чувство, что его отец не имел права дать ему жизнь. Я, наконец-то, понял, что он имел в виду, произнося эти слова. Не знаю, но, может быть, подсознательно он высказал то, что втайне смущает каждого мужчину, а именно тот стиль жизни, который им, как лидером общества, навязывается всему человечеству.

Итак, с принцем Фогельфраем мне стало все понятно, он олицетворял для меня как бы историю всего нашего патриархата, опрокинутого в глубь тысячелетий, густо замешанного на крови войн. Позднее он сам мне признался по секрету, что никогда не расстанется со своим оружием, потому что если он это сделает, то вмиг маятник истории человечества качнется в сторону матриархата. И мне сразу же стало понятно поведение политиков всего мира, которые на словах ратуют за разоружение, а сами втихушку продолжают вооружаться и совершенствовать свое оружие. (По идее-то, приглядитесь к их политике, под разоружение подпадают только устаревшие образцы оружия). Уяснив это для себя, я тут же приступил к изучению вопроса: а чем грозит для нас, всех мужчин, наступление матриархата на земле, и вот тогда начались все мои неприятности.

Прослышав о моих лекциях, в которые я включил собранный материал и некоторые мои выводы о целесообразности продолжения патриархата, установившегося много тысячелетий назад на земле, ректор университета пригласил меня в свой кабинет и, что называется, положил меня на обе лопатки. Он меня спросил:

– Скажите-ка, мой любезный молодой друг, что вы там такое читаете своим студентам на лекциях о неизбежности падения патриархата на земле и установлении какого-то нового женского правления?

Я сделал удивленное лицо и заметил:

– Ничего подобного я пока в своих лекциях не утверждал. Так только, некоторые мои исследования наталкивают меня на мысль, что подобная перспектива может осуществиться.

– А вот этого не надо, – воскликнул раздраженно ректор, – вы что же, ничего не видите вокруг себя? Не замечаете, что сейчас делается в нашей стране? Вам недостаточно этого эксперимента, когда, как принято говорить, маятник истории качнулся от одной общественно-экономической формации к другой, вы хотите еще, чтобы на земле установился матриархат?

– Но..., – попытался я возразить.

– Никаких "но", – прервал меня ректор, – не нужно будоражить умы людей. Лучше займитесь-ка изучением амазонок, этого племени кровожадных женщин-воительниц, которые в определенные времена года вступали в браки с мужчинами из соседних племен ради продолжения своего рода. А вы знаете, что родившихся мальчиков они убивали и оставляли себе только девочек? К тому же они выжигали у девочек левую грудь для более удобного владения оружием.

Я не стал спорить с ректором и согласился провести эту дополнительную исследовательскую работу.

Обложившись справочной литературой, я погрузился в изучение всех источников, которые, так или иначе, упоминали о происхождении или существовании в истории этого племени. В ходе исследования у меня складывалось двойное отношение к данному предмету. С одной стороны, об этом племени упоминалось в греческой мифологии, что уже говорило само за себя как о плоде фантазии мужской половины древнего общества.

Более того, в некоторых сказаниях я обнаружил даже проявление антагонизма между мужчинами и женщинами, своего рода остатки древней борьбы за господство в обществе. (Кстати, мальчиков амазонки не убивали, а отдавали на воспитание соседним племенам. Это мне доподлинно удалось установить из разных источников). С другой стороны, по-видимому, такое племя в истории человечества все же существовало. По мнению древних греков, амазонки произошли от кровосмешения бога войны Ареса с его дочерью Гармонией, несчастной девушкой, ожерелье которой всем приносило одни неприятности, если, конечно, кто-то им овладевал. Обитали они в разных местах: на реке Фермодонт у города Фемискира, в Малой Азии, в районе предгорий Кавказа и Меотиды на Азовском море.

Выпросив у ректора командировку, я отправился на Северный Кавказ с целью обнаружения следов амазонок. Амазонок я там не обнаружил, но зато был потрясен красотой горских девушек. Я полностью согласился с утверждением Иммануила Канта, что о красоте женщин, которых мы называем хорошенькими, все мужчины судят примерно одинаково и что в этом отношении мнения не так различны, как это обычно думают. В его опусе "Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного" я прочел следующие строки: "Черкесских и грузинских девушек все европейцы, совершавшие путешествие по их стране, всегда признавали очень красивыми. Турки, арабы, персы, надо полагать, почти полностью разделяют этот вкус, ибо они очень хотят сделать свою народность более красивой путем смешения с такой благородной кровью, и можно отметить, что персидской расе это действительно удалось. Индостанские купцы также не упускают случая извлечь для себя большую выгоду из преступной торговли столь прекрасными женщинами, доставляя их сластолюбивым богачам своей страны..."

Однако эти строки я прочел несколько позже, а перед самым моим путешествием на Кавказ мне на глаза попала книжица Германа Гессе "Morgenlandfahrt", которую я захватил с собой в самолет. Можете себе представить, как только я открыл эту книгу, то сразу же наткнулся на следующее излияние: "В противоположность всему этому для меня цель путешествия и цель жизни, возникшая передо мной в сновидениях уже с конца отрочества, состояла в том, чтобы увидеть прекрасную принцессу Фатмэ, а если возможно, и завоевать ее любовь".

Я иногда думаю, что в жизни нам постоянно кто-то подсказывает, как будто шепчет на ухо и предупреждает: "Приготовься, сейчас с тобой случится то-то и то-то". Так же и в моем случае.

Стоило мне приехать в Нальчик, как я тут же встретился со своей прекрасной принцессой Фатмэ. Правда, звали ее Дина, и познакомился я с ней у ее отца, профессора университета, доктора исторических наук, пригласившего меня к себе домой на ужин.

Признаюсь, увидев ее, я забыл обо всех феях, амазонках, Венерах и прочих красавицах мира. Такой красоты я еще никогда не видывал.

Стройная, высокая, тоненькая, как березка, она, будучи черкешенкой, имела особый утонченный вид восточной красавицы. Глядя на нее, невозможно было оторвать глаз. Я втюрился в нее по уши в первый же вечер.

Как ни странно, мать у неё была русской и, я бы сказал, не очень симпатичной женщиной. Но зато ее отец, несмотря на свой преклонный возраст и седые волосы, оставался неотразимым мужчиной. Многие благородные черты лица дочь, несомненно, унаследовала от него. У нее был еще брат, лет на пять старше её и на столько же младше меня, красивый черкесский юноша, носивший почему-то русское имя Иван.

Он учился в том же университете, где преподавал его отец, и был страстным любителем туристических походов и альпинистом. Дина же училась в медицинском училище на медсестру и была еще по возрасту совсем юной девушкой. Несмотря на свои шестнадцать лет, она смело принимала участие во всех разговорах за столом, умело поддерживая беседу, не стеснялась высказывать свою точку зрения, проявляя при этом необыкновенные способности своего гибкого ума.

Вероятно, благодаря русской матери и просвещенному отцу, эта семья казалась вполне европейской, и в ее атмосфере чувствовалась привычка к широкому застолью и искреннее радушие к частым гостям.

Пока за столом речь шла об амазонках, ни Дина, ни Иван не проявляли к теме большого интереса. Мы с профессором вволю наговорились об Аресе и Артемиде, которым поклонялись воинственные женщины, о приключениях Беллерофонта, сражавшегося против них, о Геракле, осадившем город амазонок Фемискиру и добывшем пояс их царицы Ипполиты, о Тесее, взявшем в жены Антиопу, после чего амазонки осадили Афины, о прославленной Пенфесилии, помогавшей троянцам в войне и убитой Ахиллом, и наконец, о возникновении города Эфеса, который основали амазонки, и в котором воздвигли знаменитый храм богини Артемиды. Профессор утверждал, что следов амазонок на Северном Кавказе не сохранилось, а затем мы вместе пришли к единому мнению, что амазонки никогда не воевали друг с другом, объектом их агрессии всегда оставались мужчины. Когда же наша беседа переместилась на фей, то Дина оживилась и вдруг спросила меня:

– А хотите мы с братом вам покажем место, где живет фея гор?

При этом она задорно улыбнулась и подмигнула Ивану.

Признаюсь, ее вопрос застал меня врасплох, я не ожидал от нее такой скорой и решительной атаки на меня и, кажется, смутился. Чтобы выиграть время и справиться с внутренним смущением, я спросил ее в свою очередь:

– А вы полагаете, что феи существуют на самом деле? Дина, продолжая улыбаться, воскликнула:

– Конечно же! Я несколько раз видела ее в горах. Она появляется совсем неожиданно, когда испытываешь какой-либо страх или требуется ее помощь. Однажды мы с братом поднимались на веревках по крутому карнизу, Иван страховал меня наверху и ничего не видел, а я оступилась и чуть не полетела вниз. И знаете, что произошло? Вдруг моя нога в воздухе уперлась во что-то мягкое, я посмотрела вниз и увидела женскую руку, которая поддерживала мою соскользнувшую со скалы ногу.

Я улыбнулся.

– Вот-вот, тогда Иван мне тоже не поверил. А один раз ночью в горах, когда я осталась одна в палатке, брат ушел собирать хворост для костра и долго не возвращался, мне стало страшно, я увидела фею и успокоилась.

Я опять улыбнулся и пожал плечами.

– Вы мне не верите? – спросила Дина и по-детски надула губки.

– Это все она выдумывает, – вмешался Иван, – с самого детства она морочила мне голову всякими сказками.

– А ты помолчи, – прервала она его нетерпеливым жестом и опять посмотрела в мою сторону, – так вы не верите, что в мире существуют феи?

Я, приняв серьезный вид, ответил:

– Как историк я должен верить во многое и не закрывать глаза и уши даже на кажущиеся невероятные случаи и события, а то можно так не услышать голос гигантов, которые нам вещают из глубины веков.

– Каких гигантов? – воскликнула удивленная Дина.

Я стал говорить о том, что имел ввиду Шопенгауэр в своих "Новых паралипоменах", а именно, что часто говорят о республике ученых, но не о республике гениев, с которыми дело обстоит так: один великан кличет другому через пустое пространство веков, а мир карликов, проползающих под их ногами, не слышит ничего, кроме гула, и ничего не понимает, кроме того, что вообще что-то происходит. А с другой стороны, – этот мир карликов занимается там, внизу, непрерывными дурачествами и производит много шума, носится с тем, что намеренно обронили великаны, провозглашает героев, которые сами являются карликами, но все это не мешает тем духовным великанам, и они продолжают свою высокую беседу духов.

Говоря это, я совсем забыл о Динином вопросе о феях, но вдруг вспомнил о принце Фогельфрае, этом танцующем боге, который вдруг неожиданно появился над столом между Диной и мной. Он улыбнулся и подмигнул мне, возникнув совсем из ничего, как будто выпрыгнул из электрической искры. Крутнувшись над салатницей, он, подобно небольшому завихрению, пронёсся над столом, обернулся в мою сторону, сделал гримасу и исчез. Это продолжалось какие-то доли секунды.

Дина вдруг разразилась задорным смехом. Я с удивлением посмотрел на нее.

– Извините, – сказала она, – но мне показалось по вашему отрешенному виду, что вы только что из глубины веков вызвали этого самого гиганта.

"Так оно, по-видимому, и было", – подумал я, ответив ей улыбкой на шутку.

– Вы не ответили на мой вопрос, – сказала Дина, – но да ладно. Бог с вами. Хотите, мы с братом покажем вам место, где живет наша фея гор?

"С тобой я хоть на край света!" – воскликнул я в душе

– Коллега приехал работать, – вмешался отец Дины, – а ты его отвлекаешь всякими пустяками.

– Нет, нет, – запротестовал я, – мне бы хотелось очень осмотреть горы.

Я сказал "осмотреть", как будто горы представляли собой музейный экспонат или городские достопримечательности. Дина опять залилась задорным смехом.

– Профессор, – обратилась она ко мне, – а вы когда-нибудь занимались альпинизмом?

– Нет, – признался я, – но я думаю, что это не такое сложное дело, во всяком случае, не сложнее истории.

На этот раз вместе с Диной рассмеялся и Иван.

– Хорошо, что-нибудь придумаем, – сказала она, – будьте готовы ближайший week-end провести с нами в горах.

Я по-пионерски поднял руку над головой и торжественно пообещал:

– Всегда готов.

Вернувшись в гостиницу, я долгое время не мог заснуть. Куда бы я ни посмотрел, всюду мне казалось, что вижу Динины глаза, чуть насмешливые и озорные. Как это бывает с человеком, который долгое время смотрит на солнце, а потом ему даже при сомкнутых веках видятся солнечные круги. И я сразу же понял, отчего это происходит, ибо в моей душе возшло солнце и осветило лучезарным светом все ее уголки.

Глава 2. (Глава общая)

Рано утром за мной в гостиницу заехали на машине Иван с Диной.

Потом мы около двух часов ехали по дороге, ведущей к Эльбрусу.

Оставив машину на стоянке одной туристской базы и нацепив альпийское снаряжение, мы двинулись в горы. Светало. По дороге нам встречались небольшие группы, идущие своими маршрутами. Меня все больше и больше охватывало блаженное чувство приобщения к чему-то великому, как будто я вдруг увидел перед собой цель, кото рая нас всех объединяла, мне так и хотелось им крикнуть словами поэта Новалиса: "Так куда мы идем?", чтобы получить ответ: "Все туда же – домой". Мы поднимались все выше и выше. Под нами стали проплывать ущелья и бездны, и я, заглядывая в них с содроганием, вспоминал ницшеанскую мысль: "Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины". Далеко справа на горизонте белела освещенная солнцем вершина Эльбруса. Впереди меня шли Иван и Дина, привыкшие к острому, разряженному воздуху, к зимним вылазкам, ко льду и горам, и вдруг я почувствовал себя окрепшим, подобно Будде, озаренному просветлением. Как будто пелена спала с моих глаз, и я проснулся, ощутив вдруг мир так ясно, что мне стало резать глаза. Мы шли к солнцу, и оно, поднявшись над горами, указывало нам путь.

На маленькой площадке мы сделали привал, шутя и смеясь, выпили немного чаю из термоса, а затем Иван объявил, что начинается самый трудный участок нашего пути. Мы сцепили друг друга веревкой, Иван пошел впереди. Дина страховала меня сзади. Мы стали подниматься по почти отвесной стене. Впервые в жизни я ощутил необычное состояние, близкое к отчаянию. Мне постоянно казалось, что если я сорвусь в бездну, то увлеку за собой их. Я быстро уставал, и они давали мне время отдыхать, но от отдыха на отвесной стене у меня сосало под ложечкой. Не знаю, был ли это жуткий страх или все люди испытывают подобное чувство полу невесомости, очутившись над пропастью.

Когда мы выбрались на карниз, я с ужасом подумал: "А как же мы будем спускаться?" Иван похвалил меня, спросив, в самом ли деле я впервые поднимаюсь в горы. Я молча кивнул головой и подумал: "Если бы не присутствие Дины, вряд ли мне удалось бы взять это препятствие".

Затем мы двинулись вдоль карниза. Над нами нависала скала, внизу зияла бездна, но всё же под ногами у нас была твердая земля, вернее, камни, нечто наподобие временного убежища, своего рода приюта. Мне вдруг вспомнились строки из стихов Гессе: "Ведь если мы допустим на минуту, что за поверхностью зияют бездны, возможно ль будет доверять уюту, и будут ли укрытья нам полезны?" Я почувствовал вдруг здесь свою полную незащищенность, и у меня опять засосало под ложечкой.

Мы все выше и выше поднимались по узкому карнизу. От монотонности моих движений на какое-то время я потерял чувство реальности, а вместе с ним и страх, и уже другими глазами с высоты птичьего полета обзирал горы и долину, простирающуюся между ними. Вдали из-за изгибов хребта выступал величественный Эльбрус. Неожиданно карниз перешел в площадку, за которой вдруг открылась заснеженная поляна, упирающаяся в конусную скалу. Эта скала и представляла собой вершину горы.

Я обернулся и увидел порозовевшее лицо моей ненаглядной красавицы, ее нежная кожа щек и лепестки губ хранили на себе утреннюю свежесть розы. Ее темные волосы контрастировали со снежной белизной поляны, а лучезарные глаза излучали радость. Я впервые за все утро посмотрел на нее прозревшими глазами и увидел вновь ее красоту, ту самую, которой она поразила меня в первый же вечер нашей встречи. Не то, чтобы я не любовался ею все утро еще у подножья горы, постоянно ловя взглядом ее плавные мягкие движения. Я и потом не

отрывал глаз от ее штормовки и вязанной шерстяной шапочки, когда она шла впереди меня, поднимаясь по склону. Но что-то меня постоянно держало в напряжении.

Возможно, обостренное чувство опасности или ожидание трудных испытаний и моя боязнь оказаться не на высоте. Но сейчас, когда эти трудности временно отступили и самые опасные места оказались позади, я мог расслабиться и всей душой предаться моему чувству, погружая себя в сладостное состояние восхищения предметом моего тихого любования.

Иван, дав нам немного передохнуть, прошел вперед, чтобы разведать дорогу и проверить глубину снежного покрова поляны. Мы остались вдвоем. Дина, сидя на снегу, повернулась вполоборота и улыбнулась, озарив меня каким-то внутренним светом.

– Как вам здесь нравится? – спросила она тихим голосом.

Ее темные глаза проникали мне в самую душу.

– Восхитительно! – воскликнул восторженно я.

– Тсс, – Дина приложила палец к губам и чуть слышно сказала: – Здесь не нужно говорить громко, а то горная фея может рассердиться.

– А что, мы уже находимся в царстве горной феи? – шепотом спросил я.

– Да, – молвила она, – фея не любит шума. Когда в ее владениях громко смеются, кричат и не оказывают должного уважения, то она обрушивает на людей снежные лавины.

– Неужели она такая недотрога, эта прекрасная горная фея? – лукаво спросил я.

Мне до безумия захотелось поцеловать Дину в губы. И вдруг неожиданно для себя я стал читать стихи:

*Что может быть прекрасней, что может быть сильнее,
Чем трепет нежной страсти к моей прелестной фее!
Бродить среди прохожих, желая с милой встречи,
В осенний непогожий иль ясный тихий вечер...
Искать уста любимой, глядеть ей нежно в очи,
В момент неповторимый, средь зимней темной ночи...
Очнуться от объятий, совсем от неги пьяным,
С душою, полной счастья, весенним утром ранним...
Иль в жаркий летний полдень, струи ручья минуя,
Напиться из уст томных безумным поцелуем...
Что может быть прекрасней, что может быть нежнее,
Чем трепетные ласки моей волшебной феи!
И если сказкой дивной маг мир заморозил бы,
Я без моей любимой и дня в нем не прожил бы.*

– Хорошие стихи, – похвалила Дина, – кто автор?

Я не знал, что ответить. Только что здесь, на этом самом месте, я сочинил стихи. Я сам не мог еще в это поверить. В жизни я никогда не писал стихов. Что же это со мной? Я молчал.

– Это ваши стихи? – догадалась Дина.

Я кивнул головой.

– И давно вы их сочинили?

– Только что, – ответил я и смущенно посмотрел на нее.

– Неплохо, – сказала Дина. – Вы, оказывается, к тому же еще поэт.

– Нет. Совсем нет, – воскликнул я, – это мои первые стихи.

Дина пристально посмотрела на меня. От ее проникновенного взгляда на моих глазах выступили слезы, но я все равно не отвел их в сторону.

Я выдержал ее взгляд. И она, кажется, мне поверила. Некоторое время мы молчали, а я думал: "Неужели я признался ей в любви?" К нам подошел Иван, мы встали и отправились дальше.

В дороге я несколько раз оглянулся, и каждый раз Дина смущенно опускала глаза. Мне показалось это странным. Я не узнавал в ней того озорного чертенка с насмешливыми глазами, готового в любую минуту пустить стрелу с наконечником из заостренной шутки, вместо этого я вдруг увидел прекрасную притягательную девушку, умную скромницу, этакий эталон девственного совершенства, от которого любой мужчина может потерять рассудок. Такая перемена не только меня поразила, но очаровала еще больше. Я как будто новыми глазами посмотрел на нее и даже вначале подумал: "Уж не пытается ли она меня разыграть?" И все же где-то в глубине моей души промелькнула другая мысль: "А не обидел ли я ее своим невольным признанием?"

Мы шли молча и долго. Обогнув скалу, вышли на небольшую ложбину хребта, за которой начинался перевал. Там, внизу, зеленела долина, куда, как объяснил мне Иван, нам предстояло спуститься, а затем вернуться до наступления темноты назад, на базу, поймав какую-нибудь попутную машину.

Перед спуском мы решили устроить привал и подкрепиться. Во время обеда Дина осталась задумчивой и почти не принимала участия в нашей с Иваном беседе. Даже брат заметил перемену в ее настроении и спросил, не устала ли она. Дина посмотрела в мою сторону, виновато улыбнулась и ответила:

– Есть немножко.

Мне показалось также странным, что, когда Иван предложил продлить отдых, чтобы дать ей побольше времени для восстановления сил, она отказалась.

Как только мы тронулись в путь, со стороны Эльбруса показалась белая тучка, которая быстро стала разрастаться, двигаясь в нашу сторону. Иван, с тревогой поглядывая на неё, вдруг изменил свое решение.

– Есть более короткий и скорый путь возвращения, но для этого нам нужно преодолеть одно препятствие – подняться на ту небольшую стену, – сказал он, показав на крутой карниз скалы, нависший над глубоким, трудно доступным ущельем. – Если мы это сделаем, то через полчаса спустимся по веревкам к сторожке лесника и переждем пургу.

Я посмотрел на этот перевал, сокращавший наше возвращение, который позднее назвал своим Сен-Готардом, и даже не мог предположить, что ожидает меня там, что может для меня за ним открыться.

– Ну, как? Сможете вы преодолеть эту стену? – спросил, глядя в мою сторону, Иван.

– Разумеется, – воскликнул я, – не такие преграды брали.

Мне и в самом деле показалась эта стена смешным препятствием по сравнению с той горной кручей, по которой мы карабкались все утро.

– Вот и прекрасно, – сказал Иван, – не будем терять времени. Я иду впереди. Дина замыкает.

– Чур, на этот раз я пойду первой, – вдруг, оживившись, заявила Дина, обращаясь к брату, – ты же знаешь, что я лучшая альпинистка в городе.

– Но ты же устала.

– Нисколько. Я смогу быстрее тебя подняться на стену и вытащу вас.

Иван подумал некоторое время, но потом согласился. Мы вновь сцепили друг друга веревкой, спустились к карнизу скалы, круто обрывавшейся в ущелье, и стали пробираться вдоль отвесной каменной стены.

Находясь на краю пропасти, я опять испытал некоторое подобие страха. У меня даже закружилась голова, настолько это ущелье показалось мне глубоким. Я старался не смотреть вниз. Прижимаясь всем своим телом к твердому замерзшему камню, я на ощупь переставлял

ноги по неровностям и каменным уступам скалы, не отрывая взгляда от моей горной феи. Затем мы стали взбираться на стену. Дина подобно ящерице карабкалась вверх, вбивала в каменные глыбы железные скобы, которыми страховала верёвку, и ползла выше. Ниже, над самой пропастью, легко и проворно следовал за нами Иван. Мы довольно быстро продвигались вверх, но белое облачко к нам летело еще стремительней. Я начинал нервничать и стал двигаться вверх быстрее, приближаясь к Дине, но при этом я совсем забыл натягивать веревку, и она провисала под моими ногами.

Вдруг моя нога соскользнула с камня, я попытался ухватиться рукой за стену, но пальцы скользнули по камням, и я полетел вниз. На какое-то время я задержался в воздухе, как будто меня с силой кто-то тряхнул за шкуру, веревка натянулась, и я не успел еще ухватиться за стену, как падение продолжилось. На одно мгновение я увидел перед собой Дину и ухватил ее за руку. Мы летели вместе вниз, в пропасть. И снова я почувствовал резкий толчок, такой, что чуть не выпустил Динину руку.

Все это произошло в считанные доли секунды. Мы с Диной повисли над пропастью, пристегнутые к брату, удерживаемые одной лишь веревкой, которую он пытался закрепить на скале. Выступ над ущельем не позволял нам приблизиться к стене.

Мне показалось, что нас качнуло порывом ветра, и я увидел в глазах Дины отчаяние. Свободной рукой она вынула из кармана складной ножик и попыталась освободиться от своей веревки.

– Что ты делаешь? – воскликнул я.

– Так надо, – ответила она.

Я не стал спорить, а лишь сказал:

– Давай помогу.

Я почти выхватил у нее из рук нож, и полоснул им по своей верёвке

На этот раз уже она воскликнула с ужасом:

– Что ты делаешь? Мой брат выгащит тебя.

И в это время все события для меня вдруг стали разворачиваться, как в замедленно-стремительной съемке. Я увидел испуганное лицо Дины, но еще чуть раньше я вдруг понял, что это был за порыв ветра, качнувший нас с Диной в сторону. Я увидел ту самую вихреватую танцующую фигурку принца Фогельфрая, который так неожиданно появился за обеденным столом у профессора, отца Дины, когда я говорил о гигантах, посылающих нам свой голос из глубины веков. Принц Фогельфрай крутнулся вокруг нас, показал мне язык, подмигнул мне и улыбнулся. Я крепко сжимал Динину руку. И в то же самое время я вдруг увидел там, далеко за изломанной линией горизонта, за Эльбрусом, откуда прилетел вместе с белым облачком, подобно мотыльку, лёгкий и стремительный принц Фогельфрай, чудесный город, построенный из одних дворцов. Это походило на сказочный мираж, на прекрасное видение мечты. Нет, это не был ни Нальчик, ни Стамбул, ни даже Симферополь. Это был город восхитительной красоты. Я заметил, как наша веревка расплелась, и услышал Динин голос, прозвучавший с ноткой сожаления:

– Зачем ты это сделал? Ведь ты же гений...

Затем мы плавно стали опускаться вниз. И вдруг принц Фогельфрай рассмеялся, он хохотал так весело и задорно, что эхо отзывалось во всем ущелье, и мне стало вдруг радостно на душе от этого смеха. Я повернулся к Дине, поцеловал ее руку и, улыбнувшись, сказал:

– Прекраснейшая мадмуазель Дина, я никого еще в жизни не любил так пламенно и нежно, как вас.

Принц Фогельфрай от восхищения захлопал в ладоши и воскликнул: "Браво! Молодец!"

– Ты сумасшедший, – ответила мне Дина.

Мы опускались все ниже и ниже. Горы заслонили от нас Эльбрус и прекраснейший в мире город, открывшийся за ним. Нас почему-то влекло помимо нашей воли на дно тёмного, мрачного ущелья.

Глава 3. (Глава только для женщин)

Первые минуты я ничего не мог понять. Кто-то как будто целовал меня в губы, и мое дыхание наполнялось теплым воздухом. Я открыл глаза и сразу же увидел ее, склонившуюся надо мной.

– Кто вы? – спросил я.

– Разве вы не знаете? – удивилась она.

Некоторое время я ничего не мог вспомнить. Потом до меня стали доходить отрывки последних воспоминаний – мое плавное скольжение в пропасть, необыкновенный город на горизонте и еще этот танцующий и вечно неунывающий бог.

– А где Дина?

– Она тут рядом лежит, недалеко от вас.

– Что с ней?

– Ничего серьезного. Скоро она очнется.

– А где мы?

– На дне ущелья.

– Что со мной?

– Ничего страшного, успокойтесь. Вы немного ушибли ногу. Но это быстро заживет.

Я ушам своим не верил. Свалиться с такой крутизны и ушибить только ногу. Я лизнул языком запекшиеся губы.

– А, понимаю, вы хотите пить, подождите минутку, я вам сейчас принесу воды.

Она удалилась, и в эту самую минуту появился принц Фогельфрай.

– Привет, дружище! – крикнул он и подмигнул мне правым глазом. – Однако же ты славно пролетел между гор со своей подружкой, как горный орел. Я уже совсем было подумал, что ты научился летать и кружиться в воздухе, подобно мне. Но вот только перед землёй ты почему-то не погасил скорость. Если бы не мое вмешательство, то мозги твои и твоей подружки лежали бы сейчас на камнях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.